

УДК 81`42

ОТ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ К ТЕОРИИ ДИСКУРСА – И ОБРАТНО

Басовская Е. Н.

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва
e-mail: Jeni_ba@mail.ru*

Статья посвящена междисциплинарным связям теории публицистики и теории дискурса. Автор обнаруживает продуктивность дискурсологического подхода к публицистике как сфере речевой деятельности. Рассматриваются семантические, прагматические, стилистические и тематические категории публицистического дискурса.

Ключевые слова: теория публицистики, теория дискурса, публицистический текст, речевое воздействие.

ВВЕДЕНИЕ

Учебный курс «Теория публицистики», относящийся к циклу дисциплин ООП ВО (магистратуры) подготовки магистров по направлению 42.04.02 – «Журналистика», принадлежит к числу недостаточно методически обеспеченных. Даже самый тщательный поиск в библиотеках и в пространстве Интернета не дает ни опубликованных полноценных программ курса, ни сколько-нибудь основательного списка учебников и учебных пособий.

Научные и учебно-методические труды, которые могут быть привлечены для преподавания этого предмета, распадаются на две группы. С одной стороны, работы В. М. Горохова [2], А. В. Колесниченко [8], Е. П. Прохорова [13], М. И. Скуленко [14], М. И. Стюфляевой [17], В. В. Ученовой [18] и др., затрагивающие вопросы теории публицистики, представляют собой в первую очередь исследования в области журналистики. Обращение к ним приводит к тому, что адресованная магистрантам дисциплина в значительной степени дублирует курс «Основы теории журналистики», изучаемый на уровне бакалавриата. С другой стороны, публицистическая проблематика представлена в книгах и статьях Н. И. Клушиной [7], В. Г. Костомарова [9], Е. М. Лазуткиной [10], Г. Я. Солганика [15], А. Д. Швейцера [21] и др. В центре внимания названных авторов – лингвостилистический аспект таких многогранных явлений, как публицистика и публицистичность. Опора преимущественно на эти труды приводит к сближению курса «Теория публицистики» с дисциплиной «Стилистика и литературное редактирование», включенной в учебный план бакалавриата.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Поиск золотой середины – пространства между теорией журналистики и функциональной стилистикой – привел меня в одну из смежных областей современной гуманитаристики – дискуртологию. Точкой пересечения теории публицистики и теории дискурса можно считать разнообразие избираемых исследователями оснований для выделения самого феномена, а также для создания классификации. Так, публицистика, как неоднократно отмечалось, может быть определена:

- по предметной области – как литературный жанр, посвященный рассмотрению актуальных тем общественно-политической жизни;

- по социальной функции – как «род творчества, направленный на непрерывное воздействие на общественное мнение...»;

- по способу отражения действительности – как «открытое, не опосредованное авторское слово и прямой контакт с аудиторией в выражении своих мыслей» [4, с. 98].

В последнем случае публицистика понимается не как вид деятельности, а как тип дискурса.

В свою очередь дискурс также характеризуется специалистами по-разному – в зависимости от основания, избранного для типологизации речевых явлений. Как отмечает Н.И. Клушина, «параметрами, объединяющими тексты в какой-либо дискурс, являются *тема* (напр., *театральный дискурс*), *событие* (*крымский дискурс*), *жанр* (*новостной дискурс*), *возраст* (*студенческий дискурс*), *тональность* (*агрессивный дискурс*), *персона* (*дискурс Черномырдина*) и т. п.» [6, с. 66].

Существует и как минимум еще одна причина для соотнесения теории публицистики и теории дискурса. Необходимо обратить внимание на идеологический компонент, в большей степени характерный не для отечественной, а для западной дискуртологии. Так, М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс убеждены, что дискурс «формирует знание и реальности, идентичности и социальные отношения» [3, с. 97]. Исследователи определяют дискурс как «форму социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется в других социальных практиках» [3, с. 110].

Таким образом, в основу авторского курса «Теория публицистики» было положено понимание публицистики прежде всего как типа дискурса, которому свойственна определенность авторской позиции и открытая установка на воздействие, своего рода «оголенная прагматика». Кроме того, был учтен выдвинутый на передний план именно дискуртологами тематический фактор. Если 1–6 разделы рабочей программы соответствует семантическим, прагматическим и стилистическим категориям

публицистического дискурса, то в разделах 7–12 представлена жанрово-тематическая типология публицистики.

В соответствии с таким дискурсологическим толкованием публицистики структурировалось *содержание учебной дисциплины*:

Введение. Понятия публицистики и публицистичности. Формы существования публицистики.

Возникновение публицистики. Концепции публицистики. Модели публицистики и публицистической деятельности. Публицистика в жизни общества. Основные функции публицистики.

Публицистичность научного и художественного текста.

Тема 1. Речевое воздействие и прагматика. Речевые манипуляции.

Прагматический аспект коммуникации. Основные идеи лингвистической прагматики.

Понятие речевого воздействия как формирования и изменения картины мира адресата. «Дискурсы активного воздействия» [Соколова]. Кооперативная и стратегическая коммуникация. Убеждение и внушение. Понятие манипуляции. Защита от манипуляций.

Тема 2. Публицистика и идеология. Понятие идеологема. Публицистика и пропаганда.

Идеологема как центральное понятие публицистического дискурса. Типы идеологем в публицистике. Идеологема и мифологема. Паттернизация реальности средствами пропагандистского дискурса. Смена базовых идеологем в современном публицистическом дискурсе.

Понятие пропаганды. Пропаганда и агитация. Основные приемы пропагандистского воздействия. Антиномия «свой/чужой» как ключевой принцип организации публицистического текста.

Тема 3. Публицистический дискурс. Образ автора.

Специфика коммуникационного взаимодействия в информационном пространстве. Понятие образа автора. Субъективация и объективация в публицистическом дискурсе. Диалог и диалогичность в публицистическом дискурсе.

Модальность – оценочность – эмоциональность. Речевые модальные, эмоциональные, оценочные, экспрессивные средства.

Тема 4. Работа публициста с фактами. Информация и информационный шум в современной публицистике.

Понятие факта. Отбор, анализ, оценка, интерпретация фактов.

Информационная насыщенность публицистического текста. Проблема нарастания информационного шума в современной медиасреде.

Тема 5. Основные приемы аргументации в публицистическом тексте. Логическая и эмоциональная аргументация. Речевая агрессия.

Публицистика как убеждающая деятельность. Структура доказательства. Требования к аргументам.

Специфика эмоциональной аргументации. Логические уловки (аргументы к верности, состраданию, авторитету и другие).

Речевая агрессия как вторжение в коммуникативное пространство адресата [1]. Формы речевой агрессии.

Тема 6. Особенности современного публицистического дискурса. Интертекстуальность.

Соотношение понятий «публицистический дискурс», «публицистический текст» и «медiateкст». Влияние новейших каналов и форм коммуникации на характер публицистического творчества.

Понятия интертекста и гипертекста. Возрастание значимости прецедентных феноменов в современной массовой коммуникации. Проблема лингвокультурологической грамотности публициста.

Тема 7. История и современное состояние публицистической эпистологии.

Письмо и открытое письмо как традиционные жанры публицистики. Публицистическое эпистолярное наследие Цицерона, Ивана Грозного, Н.М. Карамзина, Л.Н. Толстого, Э. Золя. Образцы современных открытых писем публицистического характера. Выразительные ресурсы публицистической эпистологии.

Тема 8. История и современное состояние просветительской публицистики.

Понятие просветительства. Религиозная и светская просветительская деятельность. Просветительская беллетристика.

Публицистическое просветительское наследие французских энциклопедистов XVIII в., А.И. Герцена, Ф.Ф. Павленкова и других.

Просветительство и инфотейнмент. Телевизионные просветительские проекты Л.Г. Парфенова.

Тема 9. История и современное состояние литературно-критической и художественной публицистики.

Публицистическое начало в прозе, поэзии, драматургии, музыкальном, изобразительном, театральном и киноискусстве.

Взаимосвязь и взаимовлияние литературной критики и публицистики. «Реальная критика» Н.А. Добролюбова как форма социально-политической публицистики.

Публицистическое звучание произведений художественной, музыкальной, театральной, кинокритики.

Тема 10. История и современное состояние обличительной публицистики.

Обличительное начало в публицистическом высказывании. Средства формирования образа врага. Принципы «Не могу молчать» (Л. Н. Толстой) и «Я обвиняю» (Э. Золя).

Средства комического на службе обличительной публицистики. Жанры фельетона и памфлета. Сатирические приемы публицистики.

Тема 11. Специфика, история и современное состояние радио- и телевизионной публицистики.

Особенности публицистической деятельности в эфирных СМИ (актуализация, возможности прямого эфира, расширение аудитории, использование аудио- и визуальных эффектов).

Традиции и новейшие тенденции в развитии радио- и телевизионной публицистики.

Тема 12. Формирование и отличительные черты интернет-публицистики.

Специфика интернет-коммуникации. Новые формы публицистической деятельности: интернет-СМИ, блогосфера, демотиваторы и др. Депрофессионализация публицистики. Расширение границ публицистического дискурса.

Чрезвычайно плодотворным для дидактического сопровождения программы курса «Теория публицистики» оказался социолингвистический подход к дискурсу, предложенный В. И. Карасиком [5, с. 250–287]. При внимательном рассмотрении классических образцов публицистического творчества в них обнаруживаются черты различных типов институционального дискурса: массово-информационного, научного, педагогического политического, рекламного, религиозного. В то же время в публицистике нередко выявляются приметы прагматингвистических типов дискурса – юмористического и ритуального. Рассмотрим в качестве примера фрагмент заметки А. П. Чехова «Наше нищенство»:

«Политико-экономы и полицейское право, ведущие борьбу с уличным нищенством, говорят: “Ради блага человечества не подавайте ни копейки!”» Эту фразу следует видоизменить таким образом: «Ради блага человечества не просите милостыни», и вторая форма, кажется, будет ближе к решению вопроса, чем первая. Ведь берут и просят гораздо чаще, чем дают. Редко кто умеет и любит давать. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из его коренных свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим, и их благодетелям /.../ О неуважении к мелким долгам и авансам, о зачитывании чужих книг и рукописей, о том, что из ста тысяч читающих за чтение платит только одна тысяча, нечего и говорить. Каждый интеллигентный человек читал Тургенева и Толстого, но далеко не каждый платил за их сочинения.

Красть безнравственно, но брать можно. Адвокат берет за свое участие в бракоразводном процессе *minimum* четыре тысячи не потому, что это должно, а потому что можно. Художник за свою картину, написанную в

пять дней, просит десять тысяч, артист просит за сезон двадцать две тысячи, и никто за это не называет их дурными людьми. Можно брать – и они в глазах общества правы. /.../

Те, кому все это несимпатично в русском человеке, оправдывают его рудинскими свойствами его характера, именно тем, что русский человек относится одинаково беспечно как к чужой, так и к своей собственности: он зря берет и в то же время зря дает. Пусть так. Но ведь человеку, кроме характера и темперамента, дана еще способность рассуждать; кто берется оправдывать или обвинять, тот не должен забывать об этой способности. Каждый зря просящий и зря берущий, если он не извозчик и не официант, легко может рассудить и понять, что все эти одолжения, любезности, уступки, скидки и льготы не так невинны, как кажется, что за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произвол, насилие над чужою совестью, эксплуатация чужого чувства, преступление. Разве начальник станции, дающий даровой билет, не крадет? Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру?

Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд. Барин, играющий в винт, нимало не думает о своем кучере, мерзнувшем на дворе; так и наше общество привыкло не думать о том, что сельское духовенство работает почти даром и живет впроголодь, учителя, получающие за свой тяжелый труд гроши, бедствуют, что в городских больницах работает даром, ничего не получая от общества, масса молодых врачей... Редко кто ратует за прибавку жалованья, например, офицерам или почтовым чиновникам, но за убавку готово стоять большинство. Чем дешевле, тем лучше, а если даром, то это еще лучше.

Уличное нищенство – это только маленькая частность большого общего. Нужно бороться не с ним, а с производящею причиною. Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнет само собою» [20].

Опираясь на исследовательские принципы В. И. Карасика, в данном тексте можно обнаружить признаки не только массово-информационного и общественно-политического, но и педагогического дискурса, которому свойственна одновременная научная, адресатная и процессуальная ориентация: А. П. Чехов постепенно, на простых примерах доказывает массовой газетной аудитории безнравственность и недопустимость неуважения к труду и собственности. Присущи заметке Чехова и диалогичность (она ярко проявляется в использовании вопросно-ответных ходов), и интерпретация действительности, и оценивающая стратегия.

Несмотря на типичное для чеховского творчества отсутствие явной патетики, текст не лишен признаков, сближающих его с такой разновидностью религиозного дискурса, как жанр проповеди. Писатель открыто и убежденно заявляет о своей позиции, опирается на незыблемые, с его точки зрения, этические нормы, использует призывную модальность (этот эффект достигается использованием таких риторических приемов, как ряды однородных членов и антитеза). Композиционная и стилистическая близость к проповеди позволяет говорить о заметке А. П. Чехова и как о не жестко формализованном ритуальном тексте.

Текст Чехова дает основания для деликатной постановки вопроса о глубинной близости религиозно-проповеднического, политико-пропагандистского и рекламного дискурсов (именно дискурсов, а не религиозного, публицистического и рекламного стилей, сформировавшихся для обслуживания принципиально различных сфер и ситуаций общения). По справедливому замечанию А. В. Оляничя, «руководствуясь потребностями, человек для их реализации вынужден определенным образом использовать имеющиеся у него языковые возможности. Обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, он извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облакает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс, соположенный той или иной потребности или нескольким потребностям сразу» [11, с. 48]. Дискурсивное единство проповеди, пропагандистского материала в СМИ и рекламного текста определяется общностью главной цели – прямого и активного воздействия на сознание адресата. Именно такая установка свойственна небольшой газетной заметке Чехова, «рекламирующей» с использованием аргументации «от противного» христианские ценности, такие как нестяжательство, трудолюбие и любовь к ближнему.

Наконец, рассматриваемая заметка, будучи иронической по духу, безусловно, обладает чертами юмористического дискурса. Говоря, что «русский человек... ужасно застенчив, когда дает или предлагает», писатель рассчитывает на читательское понимание. Комический эффект достигается благодаря контрасту оценочности: мягко позитивное «застенчив» по духу противоречит общей модальности приговора общественному пороку.

Намеченные здесь подходы к рассмотрению публицистического текста плодотворны именно для обобщающего учебного курса, читаемого магистрантам, владеющим азами стилистического анализа.

ВЫВОДЫ

Итак, ключевые идеи и научный аппарат современной дискурсологии оказали мне значительную помощь в подготовке программы курса «Теория

публицистики». Почему же я намечаю путь не только к теории дискурса, но и обратно? Дело в том, что и некоторые существующие, пусть и немногочисленные исследования в сфере публицистики могут быть небезынтересны для лингвистов-дискурсологов. Так, для анализа медийного дискурса продуктивна принадлежащая В. В. Ученовой и С. А. Шомовой идея синтетизма публицистики [19], а представленная в статье А. В. Полонского классификация функций публицистики (когнитивная, коммуникативно-информационная, преобразующая, дидактическая и др.) [12, с. 59–60] пригодна при небольшой доработке и для характеристики различных типов дискурса. Будучи междисциплинарными направлениями современного гуманитарного знания, теория публицистики и теория дискурса открывают дальнейшие перспективы взаимопроникновения и взаимообогащения.

Список литературы

1. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
2. Горохов В. М. Публицистика: теория и практика: Теорет. курс авториз. излож. / В. М. Горохов. – М.: Акад. изд-во МЭГУ, 1995. – 164 с.
3. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2-е изд., испр / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
4. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. Вып. 1. – С. 97–105.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Клушина Н. И. Дискурсологический вектор современной стилистики / Н. И. Клушина // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти В. Б. Кашкина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 64–72.
7. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 242 с.
8. Колесниченко А. В. Практическая журналистика: Учебное пособие, обучающихся по специальности «Журналистика» / А. В. Колесниченко. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 108 с.
9. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
10. Лазуткина Е. М. Публицистический стиль: новые черты / Е. М. Лазуткина. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 77 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
12. Полонский А. В. Публицистика как особый вид творческой деятельности / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 1. – Т. 11. – С. 56–61.
13. Прохоров Е. П. Публицист и действительность / Е. П. Прохоров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 317 с.
14. Скуленко М. И. Убеждающее воздействие публицистики: Основы теории / М. И. Скуленко. – Киев: Вища шк: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – 174 с.
15. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся ст. кл. шк. гуманитар. профиля. – 9-е изд. / Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 253 с.
16. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с.
17. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 154 с.
18. Ученова В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики, публицистика и политика, у истоков публицистики / В. В. Ученова. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 556 с.

19. Ученова В.В. Синтетизм публицистики / В. В. Ученова, С. А. Шомова. Полифония текстов в культуре. – М.: Омега-Л: ИМПЭ, 2003. – С. 313–330.
20. Чехов А.П. Наше нищенство // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. – М.: Наука, 1979. – Т. 16. – С. 238–241.
21. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А. Д. Швейцер. – М.: URSS, 2009. – 252 с.

FROM THE THEORY OF PUBLICISM TO THE THEORY OF DISCOURSE – AND BACK
E. N. Basovskaia

The article is devoted to the interdisciplinary relations between the theory of publicism and theory of discourse. The author finds productivity of discursive analysis of publicism as the field of speech activities. The article considers the semantic, pragmatic, stylistic and thematic categories of publicistic discourse.

Keywords: theory of journalism, theory of discourse, journalistic text, verbal impact.